

Дмитрий Редин

(Институт истории и археологии УрО РАН / Уральский федеральный университет)

Ландратура Санкт-Петербургской губернии: штат,
функции, место в системе управления
(материалы к исследованию)

*The Landrat in the Saint Petersburg Governorate: Officials, Functions,
and Position in the System of Administration (Material for Further Research)*

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию института ландратов – одного из низовых звеньев местного государственного управления в России, недолго просуществовавшего в период административных реформ Петра I. Общая идея его создания появилась в планах царя под влиянием одноименного института, действовавшего в Прибалтийских провинциях Швеции, завоеванных Россией в ходе Великой Северной войны. Внедрение ландратуры в собственно русскую систему местного управления отличалось наличием противоречивой и нормативно неопределенной законодательной проработки и региональной спецификой практического функционирования. Автор, на основе выявленного им документа: «Именной росписи ландратам и камисарам Санкт-Петербургской губернии» 1717 г. и отрывочных сведений, имеющихся в немногочисленной литературе и в опубликованных источниках, предпринял попытку реконструкции института ландратуры в Санкт-Петербургской губернии. В статье дается общая оценка роли и места ландратской системы в структуре госуправления Петровского царствования, проводятся сравнения организационного сходства и различия Санкт-Петербургской и Сибирской ландратуры. Статья носит характер предварительного обобщения имеющегося материала для создания труда по истории ландратуры в общероссийском масштабе.

Ключевые слова: ландрат, ландратура, ландратский совет, ландратская доля, ландратская канцелярия, Петр I

Исследовательские практики последних лет убедительно доказали продуктивность регионального изучения реализации административных петровских реформ, намеченных еще в начале прошлого столетия

классиками «жанра»: академиками М.М. Богословским и Ю.В. Готье. Унификация системы государственного управления, на достижение которой (кроме прочего), были направлены преобразования, в большинстве случаев оставалась «бумажной», явленной лишь в указах и регламентах. Огромная, разнообразная, связанная рыхлой и уязвимой системой транспортных коммуникаций, созданная из областей и местностей с различным историческим опытом и традициями, в силу этого инертная к реорганизациям страна упорно не поддавалась скорому реформированию.

Настоящая статья посвящена рассмотрению одного из самых загадочных административных институтов петровского царствования – ландратуре, взятого в территориальных границах Санкт-Петербургской губернии. Институту ландратов, по сути, не посвящено специальных научных трудов. Исключение составляют лишь исследование М.М. Богословского¹, да автора этих строк². Ландратура затевалась царем-реформатором как многообещающая и принципиально новая для российской управленческой практики структура; за свою короткую жизнь она трижды поменяла законодательно-нормативную базу и самую свою изначальную суть и тихо скончалась, растворившись в новой волне преобразований местного государственного управления, накатившейся на страну с 1719 г.

Для того, чтобы перейти к рассмотрению судьбы ландратуры Санкт-Петербургской губернии³, необходимо очень коротко напомнить, каким образом мыслилась деятельность этого института на нормативно-законодательном уровне и как эволюционировало законодательство о ландратах.

Как известно, последнее не велико и (если не считать норм, косвенно касавшихся тех или иных аспектов, связанных с частными вопросами) основывалось на трех базовых указах.

¹ М.М. Богословский, *Исследования по истории местного управления при Петре Великом*, „Журнал министерства народного просвещения“ 1903, cz. СССХХХХХ, s. 45–144. Из 99 страниц, занимаемых статьёй, 72 посвящены ландратам.

² Д.А. Редин, *Сибирские ландраты. 1714–1720 гг. (Материалы к исследованию)*, в: *Петровское время в лицах – 2005*, ред. Г.В. Вилинбахов, В.В. Мещеряков, И.В. Саверкина, Санкт-Петербург 2005, s. 181–194; idem, *Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого*, „Известия Уральского федерального университета“ 2012, 3 (105), сер. 2: Гуманитарные науки, s. 31–47.

³ Санкт-Петербургская губерния являлась преемницей Ингерманландской губернии, созданной в 1706 г. с центром в Шлиссельбурге. В 1710 г. она была переименована в Санкт-Петербургскую, по названию новопостроенного города Санкт-Петербурга, ставшего центром губернии, а с 1712 г. – столицей России.

Именной указ от 24 апреля 1713 г., п. 3⁴ учреждал должности ландратов, которые составляли совет при губернаторах, вице-губернаторах и обер-комендантах. Эти ландратские советы имели полномочие коллегиально решать все вопросы, относящиеся к губернской компетенции общим приговором; губернатор провозглашался лишь председателем («президентом») ландратского совета с правом двойного голоса и без права принятия единоличных решений. Ландратов назначал Сенат из числа кандидатов, представленных губернатором. Численность кандидатов должна была вдвое превышать численность вакансий (12 в больших губерниях, 10 – в средних, 8 – в малых). Что понималось под «большими», «средними» и «малыми» губерниями, указ не пояснял. Практика показывает, что количество назначаемых ландратов зависело не от размера губернии и не от численности ее населения, а от количества «царедворцев» (как стали в петровское время именовать служилых людей «московского списка»), закрепленных за той или иной губернией и служивших кадровым резервом губернатора. Основным смыслом этого очень «революционного» указа заключался в перестройке всей архитектуры губернского управления. По сути, он провозглашал ландратский совет высшим органом власти в губернии, вводил на областном уровне принцип коллегиальности принятия решений во всех сферах деятельности, оставляя, правда, за губернатором и Сенатом вопрос о формировании этого совета (через назначение).

Именной указ, данный Сенату от 20 января 1714 г., п. 3, как бы противореча предыдущему, провозглашал принцип выборности ландратов: «Ландратов выбирать в каждом городе или провинции всеми дворяны за руками»⁵. В то же время можно считать, что эта норма не столько противоречила, сколько корректировала положения первого указа. Она не ставила под сомнение наличие самого ландратского совета и не касалась вопроса его полномочий, а меняла механизм замещения ландратских вакансий: не назначение, а выборы кандидатов местным дворянством.

А вот именной указ от 28 января 1715 г.⁶ принципиально изменял роль и место ландратов в системе губернского управления по сравнению с нормами указа от 24 апреля 1713 г.

Основной обязанностью ландратов стало управление новыми административно-территориальными единицами – долями, на ко-

⁴ Полное Собрание Законов Российской Империи, с 1649 года, т. 5: 1713–1719, Санкт-Петербург 1830, № 2673.

⁵ *Ibidem*, № 2762.

⁶ *Ibidem*, № 2879.

торые разделялись губернии и провинции; каждая доля заключала в себе, приблизительно, 536 крестьянских дворов («или по сколько будет удобнее... больше или меньше»); местом пребывания ландратов становились города, в которых не было гарнизонов – остальные оставались под властью комендантов.

При ландратах – управляющих долями, учреждался подчиненный им штат из 1 комиссара, 4-х подьячих и 12-ти конных рассыльных; всем должностным лицам долевого ландратского управления устанавливались оклады денежного и натурального жалованья и устанавливалась 100-рублевая годовая сумма на дрова, свечи и канцелярские расходы; деньги на содержание ландратских долевого канцелярий предполагалось собирать за счет нового прямого налога: по 1 гривне (10 коп.) с двора; оставшиеся от гривенного сбора деньги разрешалось делить в качестве надбавки к жалованью чинам ландратской канцелярии по пропорции их окладов.

Ландратам подчинялись только крестьяне; посадские (горожане) городов – центров долей, были подсудны выборным земским бурмистрам. Судебные дела посадских против крестьян должны были разбираться ландратом; судебные дела крестьян против посадских – земскими бурмистрами.

При этом двум ландратам полагалось всегда находиться при губернаторе, меняя друг друга каждые один или два месяца (дежурное ландратское присутствие при губернаторе); во время отсутствия ландрата в доле, его обязанности возлагались на комиссара.

В конце года все ландраты должны были приезжать к губернатору с годовой финансовой отчетностью для финансовой ревизии («счета») и решения других дел (ландратский съезд).

Ландраты становились подсудны суду старших губернских чинов: губернатору с вице-губернатором и ландрихтером.

Известно, что само название: «ландрат» и общие представления о ландратском управлении Петр I почерпнул из практики немецко-прибалтийской ландратуры в отвоеванных шведских провинциях. Вероятно, первоначально царь руководствовался остзейским образцом и в разработке основных принципов русской ландратуры: учреждение ландратского совета из 12 членов (по максимальному количеству), высокий статус этого совета и самих ландратов, принцип выборности на ландратские должности. Но вскоре все пошло совсем не по аналогии. Приведенные указы свидетельствуют, что между остзейской и русской ландратурой оказалось мало общего даже на нормативном уровне.

Хотя и та, и другая некоторое время просуществовали параллельно, царь в своем конструировании этого института в русских губер-

ниях, как представляется, даже не пытался в дальнейшем ориентироваться на принципы организации и опыт функционирования ландратуры в Лифляндии и Эстляндии. Особенно ясно это стало после принятия третьего указа от 28 января 1715 г.

Указы выдают отсутствие у монарха четко продуманного плана, они отражают его эмпирический поиск некоего оптимального варианта. Указы полны недоговоренности, двусмысленных норм и противоречат между собой. Не удивительно, что на практике в каждой губернии судьба института ландратов складывалась по-своему. Поэтому, как любую другую административную реформу Петра Великого, ландратуру надо изучать в региональном формате. Как же формировалась и функционировала ландратура Санкт-Петербургской губернии?

Официально назначение ландратов в Санкт-Петербургской губернии состоялось позже, чем во всех остальных семи (позднее февраля 1714 г.)⁷. Впрочем, как показывают наблюдения, официальное назначение не тождественно реальному началу работы учреждения или должностного лица. Например, в Сибирской губернии формирование ландратского корпуса завершилось только к концу 1716 г.⁸

По отрывочным данным можно предположить, что первые назначения на должности ландратов состоялись в 1715 г.: Василий Иванович Милюков в Ярославле⁹ и Лука Богданович Каблуков при губернской канцелярии¹⁰. Последнее назначение заслуживает комментария. Ни один из нормативов о ландратуре не предусматривал должности губернского ландрата (ландрата при губернской канцелярии). Единственный аналогичный пример дает пока все та же Сибирская губерния, где такая номенклатура была создана по распоряжению губернатора кн. М.П. Гагарина. Должность губернского ландрата там

⁷ Назначения ландратов в Московской, Киевской, Смоленской, Архангелогородской, Казанской, Азовской и Сибирской губерниях состоялись по двум приговорам Сената от 10 и 23 февраля 1714 г. М.М. Богословский, *op. cit.*, s. 79.

⁸ Д.А. Редин, *Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.)*, Екатеринбург 2007, s. 164–168.

⁹ *Акты Угличской провинциальной канцелярии (1719–1726 гг.)*, т. 1, ред. Ф.В. Тарановский, Москва 1908, № 51.

¹⁰ Приговор от 28 марта 1715 г. *зоб. Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого*, т. 5, Год 1715-й, кс. 1 (январь–июнь), ред. Н.Ф. Дубровин, Санкт Петербург 1892, № 361, s. 261.

занимал стольник Викул Петрович Греков. Как удалось выявить при анализе большого круга делопроизводственной документации, «ландрат Сибирской губернии» Греков входил в высшее руководство края и курировал широкий круг финансово-хозяйственных вопросов, исполняя функции обер-комиссара и обер-провиантмейстера – должностей, предусмотренных законодательством Первой губернской реформы, но никогда в Сибири не существовавших¹¹. Что касается стольника Л.Б. Каблукова, то никаких следов его деятельности в качестве ландрата при Санкт-Петербургской губернской канцелярии обнаружить пока не удалось.

Судя по описям РГАДА, отражающим сохранившиеся документальные комплексы ландратских канцелярий губернии¹², местная ландратура как институт начинает более или менее полноценно функционировать с 1716 г., как в Сибирской и, возможно, в ряде других губерний. Отчего в Санкт-Петербургской губернии, которая была несравненно лучше обеспечена кадровым резервом, чем Сибирская, Архангелогородская или Казанская, и чей губернатор – кн. А.Д. Меншиков, имел несопоставимо больший политический вес, чем все остальные губернаторы, сложилась такая ситуация, можно только предполагать. Возможно, что, будучи прифронтовой, эта территория значительно исчерпала свои кадры на другие назначения – в широкую сеть комендантских должностей или на должности, связанные с исполнением важных разовых поручений (строительство дорог, кораблей, мобилизацию людских и материальных ресурсов и проч.).

Как и в остальных губерниях, в Санкт-Петербургской никогда не существовало выборов ландратов. Указ от 20 января 1714 г. остался пустой декларацией; его и не собирались внедрять в практику. Уже в день его опубликования сенаторы констатировали: «Указов о том

¹¹ Д.А. Редин, *Сибирские ландраты*, s. 171–175.

¹² Российский Государственный Архив Древних Актов [dalej: РГАДА], f. 421 (Белозерская провинциальная канцелярия), f. 661 (Пошехонская ландратская канцелярия, канцелярия судных и розыскных дел, камерирская контора, рентерея и полковой двор), f. 874 (Бежецкая ландратская канцелярия, канцелярия судных и розыскных дел, земский комиссар и полковой двор), f. 883 (Кашинская ландратская канцелярия, канцелярия судных и розыскных дел и полковой двор), f. 890 (Канцелярия ландрата Деревской и Бежецкой пятин Новгородского уезда), f. 891 (Новгородская ландратская канцелярия, канцелярия судных и розыскных дел, камерирская и рекетмейстерская конторы), f. 946 (Новоладожская ландратская канцелярия), f. 956 (Углицкая ландратская канцелярия, канцелярия судных и розыскных дел, камерирская контора и полковой двор), f. 984 (Ярославский обер-комендант, ландратская канцелярия, канцелярия судных и розыскных дел, камерирская и рекетмейстерская контора), f. 1024 (Ржевская ландратская канцелярия и канцелярия судных и розыскных дел).

(о выборах ландратов местным дворянством. – Д.Р.) не послано, а выбраны по рассмотрению сенатскому по присланным из губерний росписям (т.е. утверждены Сенатом по спискам, представленным губернаторами. – Д.Р.) [...] и велено тем ландраторам с губернаторами сидеть по разрядному списку, кто как написан в чинах...»¹³.

На протяжении всего периода существования ландратуры кандидаты из числа царедворцев утверждались с подачи губернатора Сенатом. Иногда они прямо назначались губернатором. В Санкт-Петербургской губернии таким образом был назначен во Псков стольник Степан Иванович Лопухин¹⁴.

Деятельность ландратского совета при Санкт-Петербургском губернаторе документально не зафиксирована. Скорее всего, его просто не было как ввиду позднего формирования местного ландратского корпуса, так и потому, что ландратские советы не прижились в целом. М.М. Богословскому удалось обнаружить только «кое-какие следы» их функционирования в 1714 г. в Московской и Архангелогородской губерниях¹⁵.

Единственным выявленным на сегодня документом, представляющим полный состав Санкт-Петербургского корпуса ландратов, является «Именная роспись ландратам и камисарам Санкт-Петербургской губернии», составленная в губернской канцелярии в ответ на запрос кн. А.Д. Меншикова от 19 января 1717 г. Роспись не имеет собственной датировки и поэтому время ее возникновения устанавливается приблизительно началом (не ранее 19 января) 1717 г.¹⁶

«Роспись» показывает нам местную ландратуру как совокупность должностных лиц – ландратов и их чиновников, комиссаров и управителей – руководивших особыми административно-территориальными единицами, ландратскими долями, созданными на основании указа от 28 января 1715 г.

Достоверность этого документа можно определить как высокую: сведения о кадровом составе были поданы по факту самими ландратами; в то же время сведения о количестве дворов в долях указано на основании сводных данных по переписям 156 (1648/1649) г. и 1707–1710 гг., имевшихся в губернской канцелярии и страдавших неточностями, характерными в целом для русской учетной документации такого рода.

¹³ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, т. 4, Год 1714-й, ks. 1 (январь–июль), ред. Н.Ф. Дубровин, Санкт Петербург 1888, № 66, s. 45.

¹⁴ М.М. Богословский, *op. cit.*, s. 100.

¹⁵ *Ibidem*, s. 93–94.

¹⁶ РГАДА, f. 198, op. 1, d. 74, k. 136–136v, 285–286.

Напомним, что впервые понятие «доля» появляется в официальной административной лексике в 1710 г., но лишь в качестве фискально-счетной, а не административно-территориальной единицы. В последнем значении понятие внедряется только в течение 1715 г., в соответствии с новым законодательством о ландратах. Организация административных (ландратских) долей осложнялась тем, что в основу долевого деления брался статистический принцип: количество дворов.

Несоответствие долей традиционному базовому делению страны на уезды и неравномерное распределение населения (значительные перепады плотности населения) приводили к тому, что подворный состав долей, как правило, не соответствовал нормативному, а в некоторых губерниях, как, например, в Сибирской, их вообще не удалось организовать.

Роспись показывает, что на начало 1717 г. губерния делилась на 18 долей:

- **Новгородскую и Шелонскую.** Ландрат: *Иван Иванович Мякинин*; комиссар: *Иван Иванович Ушаков*. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 1341; по переписи 1707 г. – 539.
- **Бежецкую и Деревскую.** Ландрат: *Григорий Тимофеевич Квашнин-Самарин*; комиссар: *Сергей Иванович Чоголков*. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 7199 (больше нормы на 1663); по переписи 1707 г. – 4821 (меньше нормы на 715).
- **Ладожскую, Водскую и Обонежскую.** Ландрат: *Тимофей Козьмич Подчертков*; комиссар: *Семен Михайлович Глебов*. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 7657 (больше нормы на 2121); по переписи 1707 г. – 2905 (меньше нормы на 2631). Примечание: «В Ладогe ж при ландрате Подчерткове у строения шкут *Егор Андреев сын Кушелев*».
- **Старорусскую.** «Камисар *Семен Леонтьев сын Свечин* под ведением новгородского лантрата *Мякинина*». Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 2072; по переписи 1710 г. – 988. Примечание: «В том числе Александрова монастыря Невского 672 двора, которых по указу Великого государя ландратом ведать не велено, а окроме тех в том ведомстве 309 дворов». (Здесь ошибка на 7 дворов, поскольку $672 + 309 = 981$, а не 988 как по переписи 1707 г.) Меньше нормы на 3464 и на 4548.
- **Ржевскую Владимирову «с уездом».** Ландрат: *Лука Иванович Челищев*; сведений о комиссаре не подано. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 5039 (больше нормы на 497); по переписи 1710 г. – 2891 (меньше нормы на 2645).
- **Псковскую «с пригородами».** Ландрат: *Степан Иванович Лопухин*; сведений о комиссаре не подано. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.:

12 116 (больше нормы на 6508); по переписи 1711 г. – 4502 (меньше нормы на 1034). Примечание: «У оного ж лантрата Лопухина под ведением во Ржеве Пустой и в Заволочье *управитель Иван Васильев сын Афросимов*».

- **Торопецкую и Великолуцкую «с уездами».** Ландрат: *Лев Яковлевич Челищев*; комиссар в Торопце: *Иван Семенович Коведяев*; комиссар в Великих Луках: *Иван Павлович Чириков*. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 7393 (больше нормы на 1857); по переписи 1710 г. – 2809 (меньше нормы на 2727).
- **Пошехонскую 1 («в бывших дворцовых волостях, которые отданы в вотчину светлейшему князю, да в монастырских и помещицких дву станех и в четырех волостях»).** Ландрат: *Тимофей Лукич Квашнин-Самарин*; комиссар: *Степан Дернов*. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 5417 (меньше нормы на 119); по переписи 1710 г. – 3108 (меньше нормы на 2428).
- **Пошехонскую 2 («в 15 волостях в помещицких и в монастырских вотчинах»).** Ландрат: *Федор Иванович Сикорский*; комиссар: *Григорий Дмитриевич Тарбеев*. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 5425 (меньше нормы на 111); по переписи 1710 г. – 3118 (меньше нормы на 2418).
- **Ярославскую 1 (с «Ярославским уездом в Закоторожском стану, в Пажицкой, в Норской, в Ыгрицкой, в Чамировской волостях»).** Ландрат: *Василий Иванович Милюков*; комиссар: *Петр Дмитриевич Волков*. Примечание: «Той же доли в Чамировских волостях управитель *Никита Богданов сын Страхов* под ведением оного ж лантрата *Милюкова*». Дворов по переписи 1710 г. – 6831 (больше нормы на 1298).
- **Ярославскую 2 («в долях в Гороцком, в Служне станех с волостями»).** Ландрат: *Леонтий Иванович Рудин* [По сведениям Богословского в этом же году и умер. На его место определен Н.Т. Квашнин-Самарин. С. 83–84]; комиссар: *Гавриил Григорьевич Карзаков*. Дворов по переписи 1710 г. – 4742 (меньше нормы на 794).
- **Ярославскую 3 («в Верховском стану и в Рыбинских приселках»).** Ландрат: *Лев Саввич Мусин-Пушкин*; комиссар: *Иван Федорович Тяпкин*. Дворов по переписи 1710 г. – 3636 (меньше нормы на 1900).
- **Ярославскую 4 («в Едомской, в Черemoжской волостях»).** Ландрат: *Афанасий Иванович Тихменев*; умер в 1716 г., новый на начало 1717 г. не назначен. Должность исправляет комиссар *Иван Иванович Мотовилов*. Дворов по переписи 1710 г. – 4903 (меньше нормы на 633). Итоговое примечание ко всем ярославским долям: «А сколько Ярославского уезду в помянутых долях двороваго числа по кни-

гам 156-го году порознь, того в Санкт-Петербурхской губернской канцелярии неведомо для того, что переписных книг 156-го году в Санкт-Петербурх из Ярославля не прислано».

- **Романовскую («и в уезде»)**. Ландрат: *кн. Дмитрий Борисович Нерыцкий*; сведений о комиссаре не подано. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 4962 (меньше нормы на 574); по переписи 1710 г. – 2653 (меньше нормы на 2883).
- **Углицкую («и в уезде»)**. Ландрат: *Алексей Иванович Нарышкин*; сведений о комиссаре не подано. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 6436 (больше нормы на 900); по переписи 1710 г. – 3519 (меньше нормы на 2017).
- **Бежецкую («и в уезде»)**. Ландрат: *Петр Артемьевич Лобков*; сведений о комиссаре не подано. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 9462 (больше нормы на 3926); по переписи 1710 г. – 4434 (меньше нормы на 1102).
- **Тверскую и Новоторжскую («и тех городов в уездах»)**. Ландрат: *кн. Яков Иванович Кольцов-Мосальский*; комиссар: *Леонтий Иванович Зыков*. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 6928 (больше нормы на 1392); по переписи 1710 г. – 4555 (меньше нормы на 981).
- **Кашинскую («и в уезде»)**. Ландрат: *Афанасий Дмитриевич Олсуфьев*; сведений о комиссаре не подано. Дворов по переписи 156 (1648/1649) г.: 9871 (больше нормы на 4335); по переписи 1710 г. – 6161 (больше нормы на 625).

Ландратами были укомплектованы все (кроме 4-й Ярославской, где за смертью ландрата А.И. Тихменева не успели назначить нового).

Высоким был процент укомплектованности комиссарами, помощниками ландратов: 12 долей из 18 (приблизительно, 67%). Ландраты Кашинской, Бежецкой, Углицкой, Романовской, Псковской и Ржевской Владимировой долей данных о наличии у них комиссаров не прислали. Скорее всего, эти должности действительно были вакантными. В нескольких долях количество подчиненных ландратам чиновников было выше стандартного. В Торопецкой и Великолуцкой доле, созданной на базе 2-х уездов, сидели 2 комиссара. По особому управителю (кроме комиссаров) имелось в отдаленных районах Псковской и 1-й Ярославской долей. Наконец, еще один управитель сверх штата был в Ладужской доле, но он исполнял временное поручение, надзирая за строительством судов.

Примечательно, что ни один ландрат не подал сведений о количестве канцелярских служащих – подьячих разных статей. Разумеется, что невозможно предположить полного отсутствия подьячих в их распоряжении. В этом случае ландраты просто не могли бы выпол-

нять никаких обязанностей. Я могу объяснить такое единодушное молчание только одним: хронический дефицит канцелярских кадров не располагал объявлять их количество. Вышестоящие инстанции традиционно были склонны перераспределять в свою пользу приказных из подчиненных учреждений.

Таким образом, «Роспись» 1717 г., вместе с немногочисленными документами ландратских канцелярий Санкт-Петербургской губернии, датированных, главным образом, 1716 г., позволяет судить, что местная ландратура функционировала как низшая ступень областного управления на основании указа 1715 г. и едва ли выполняла иные задачи, связанные с коллегиальными принципами.

Штат ландратуры был относительно хорошо укомплектован, по крайней мере на уровне руководящего состава.

Санкт-Петербургские ландраты выступали, в первую очередь, в качестве фискальных агентов власти и осуществляли судебные функции.

Некоторые документы показывают, что как и в других губерниях, местные ландраты были склонны выходить за рамки своей компетенции, что порождало конфликты, особенно с представителями церковной администрации¹⁷.

С 1717 г. местные ландраты привлекаются к проведению новой подворной переписи. Эти обязанности они исполнили также неудовлетворительно, как их собратья по должности из других регионов страны.

Сравнение функционирования института ландратов Санкт-Петербургской губернии с аналогами в других губерниях показывает, что ландратура в ее «великорусском варианте» оказалась совершенно избыточным звеном в общей административной архитектуре. История неудачного введения ландратуры, тем не менее, ценна тем, что раскрывает нам механизмы восприятия пресловутых западных заимствований в России петровской эпохи. Ее прообраз – немецко-прибалтийская ландратура, поначалу, вероятно, пленила воображение реформатора своей логичностью и эффективностью. Ландратские советы в Лифляндии и Эстляндии действительно были важной и органичной частью местного управления. Восходя едва ли не к эпохе существования Ливонской конфедерации XVI в., они, в самом деле, были порождены самой системой социально-политических и экономических реалий края. Эта институция пережила не одну смену сюзеренов, неизменно добиваясь от них подтверждения своих полномочий. Прибалтийские ландраты представляли лучшие дворянские

¹⁷ Полное Собрание Законов Российской Империи, с 1649 года, т. 5, № 2496.

фамилии и кланы городского патрициата; в их руках находились налоговая и судебная системы. Именно их видел Петр в отвоеванных у Швеции провинциях; они подписывали мемориалы и аккордные пункты с генералами русского царя; они консультировали чиновников русской гражданской администрации о тонкостях таковой системы налогообложения; наконец, они были пожалованы Петром в ранг генерал-майоров именным указом от 1 марта 1712 г.¹⁸ Вероятно, все это и послужило стимулом к появлению в скором времени первого указа о ландратуре, который, как было сказано выше, буквально воспроизводил в общих чертах остзейский прообраз.

Но вскоре стали проявляться органические несоответствия модели традиционному социальному и политическому ландшафту России. Попытавшись наполнить усвоенные термины новым содержанием, отвечавшим традициям и потребностям страны, Петр быстро понял избыточность ландратуры в общей архитектуре государства. Похоже, что возложив на ландратов проведение новой переписи, монарх предпринял последнюю попытку найти им практическое применение и без лишних сожалений ликвидировал русскую ландратуру, оставив при этом неприкосновенной немецко-прибалтийскую в русской Лифляндии и Эстляндии (последняя так или иначе существовала до 1780-х гг.).

Тем не менее, с точки зрения практики административного нормотворчества этот опыт был не столь бесполезным. Нормы коллегиальных процедур, прописанные указами о ландратах, оказались вполне пригодными в практике центрального управления, связанного с коллежской реформой 1719–1720 гг.

BIBLIOGRAFIA (REFERENCES)

Źródła

Российский Государственный Архив Древних Актов, f. 198, 421, 661, 874, 883, 890–891, 946, 956, 984, 1024.

Акты Угличской провинциальной канцелярии (1719–1726 гг.), t. 1, ред. Ф.В. Тарановский, Москва 1908.

Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, t. 4, Год 1714-й, ks. 1 (январь–июль), ред. Н.Ф. Дубровин, Санкт Петербург 1888.

Полное Собрание Законов Российской Империи, с 1649 года, t. 5: 1713–1719, Санкт Петербург 1830.

¹⁸ *Полное Собрание Законов Российской Империи, с 1649 года*, t. 5, № 2496.

Opracowania

- Богословский М.М., *Исследования по истории местного управления при Петре Великом*, „Журнал министерства народного просвещения” 1903, cz. CCCXXXIX.
- Редин Д.А., *Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.)*, Екатеринбург 2007.
- Редин Д.А., *Сибирская ландратура: место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого*, „Известия Уральского федерального университета” 2012, 3 (105), сер. 2: Гуманитарные науки.
- Редин Д.А., *Сибирские ландраты. 1714–1720 гг. (Материалы к исследованию)*, w: *Петровское время в лицах – 2005*, ред. Г.В. Вилинбахов, В.В. Мещеряков, И.В. Саверкина, Санкт Петербург 2005.

ABSTRACT

The article focuses on the institution of the *landrat*, i.e. one of the lower levels of local self-government in Russia which briefly functioned in the country following the administrative reform of Peter I. Its inclusion in the Tsar’s design was motivated by the institution of the same name which had functioned in the Baltic provinces of Sweden, ceded to Russia after the Great Northern War. The introduction of the *landrat* into a purely Russian system of local government was done against the backdrop of a contradictory and normatively uncertain legal order and was sensitive to regional variation in practice. The author seeks to reconstruct the institution of the *landrat* in the Saint Petersburg governorate on the basis of a document he uncovered, the “Register of *landrat* officials and commissars of the Saint Petersburg governorate” of 1717, and from incomplete information available in several extant documents and published sources. The article offers a general assessment of the role and position of the *landrat* in the administrative structure of Russia during the reign of Peter I, and an attempt to collate the similarities and differences in the organisation of the Saint Petersburg and Siberia governorates. The article provides preliminary generalisations on the available material, expected to serve as a basis for a monograph on the history of the *landrat* in Russia more generally.

Key words: *landrat*, *landrat* assembly, the *landrat* lot [*dola*, administrative unit], *landrat* chancellery, Peter I

Landratuра guberni petersburskiej: kadry, funkcje, miejsce w systemie zarządzania (materiały do badań)

STRESZCZENIE

Artykuł jest poświęcony badaniom nad instytucją landrata, czyli jednego z niższych szczebli samorządu lokalnego w Rosji, która istniała przez krótki czas w okresie reform administracyjnych Piotra I. Pomysł jej powołania pojawił się w planach cara pod wpływem instytucji o tej samej nazwie, funkcjonującej w prowincjach nadbałtyckich Szwecji, które zostały zdobyte przez Rosję w trakcie Wielkiej Wojny Północnej. Wprowadzenie landratu do czysto rosyjskiego systemu samorządu lokalnego charakteryzowało się sprzecznym

i normatywnie niepewnym studium prawodawczym oraz specyfiką regionalną w praktycznym funkcjonowaniu. Autor na podstawie ujawnionego przezeń dokumentu „Spis imienny landratów i komisarzy guberni sankt-petersburskiej” z 1717 r. oraz informacji fragmentarycznych, obecnych w nielicznych dokumentach i opublikowanych źródłach, podjął próbę zrekonstruowania instytucji landratury w guberni petersburskiej. Artykuł zawiera ogólną ocenę roli i miejsca landratury w strukturze zarządzania państwem za panowania Piotra I, jak również zostają zestawione ze sobą podobieństwa i różnice organizacyjne landratury petersburskiej oraz syberyjskiej. Artykuł ma charakter wstępnego uogólnienia dostępnego materiału, który posłuży do stworzenia pracy o historii landratury w skali ogólnorosyjskiej.

Słowa kluczowe: landrat, landratura, rada landratów, dola landracka [jednostka podziału administracyjnego], kancelaria landracka, Piotr I

NOTA O AUTORZE

Dmitry Redin – doctor of History (2007), vice-director for Research at the Institute of History and Archaeology of Ural Branch of Russian Academy of Science (since 2013), head of the department of Russian History at the Ural Federal University (since 2007). Dmitry Redin is the section editor for historical studies at *Quaestio Rossica* research journal (Russia), member of Editorial Committee of *Cahiers du Monde Russe* research journal (France), Editorial Board of *Uralsky Istorichesky Vestnik* research journal (Ekaterinburg) and the international almanac ‘Menschikov Readings’ (Saint-Petersburg). He published more than 140 research papers. He is the author of the monograph *Administrative Structures and Bureaucracy of Urals in the Age of Petrine Reforms* (Ekaterinburg 2007). His research interests include social and political history, the history of state administration in Russia of 17–18th centuries, source studies. E-mail: iia-history@mail.ru